

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА / VIEW POINT

Восточноазиатская модель развития и ее страновые субмодели: общее и особенное (на примерах Японии и Южной Кореи)

© 2025

DOI: 10.31857/S0131281225010053

Карлусов Вячеслав Всеволодович

Доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, МГИМО МИД России
(адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000–0003–2632–1542.

E-mail: vk5577@yandex.ru; karlusov@mgimo.ru

Захарова Людмила Владимировна

Кандидат экономических наук, ученый секретарь, Институт Китая и современной Азии РАН
(адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000–0001–6164–3518.

E-mail: zakharova@iccaras.ru

Ребрей Софья Михайловна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, МГИМО МИД России
(адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000–0002–6244–4497.

E-mail: s.rebrei@inno.mgimo.ru

Статья поступила в редакцию 17.12.2024.

Аннотация:

В предлагаемой статье с методологических позиций ретроспективного системного анализа предпринята попытка исследования общих и особенных характеристик восточноазиатской модели развития (ВАМР). Во вводной части представлена методология исследования, авторское понимание модели общественного развития, включая его базовый (экономический) и институциональный уровни, а также на основе краткого анализа соответствующей литературы констатируется дискуссионность подходов к исследованию ВАМР. Далее в мировых сопоставлениях рассмотрен конкретный опыт реализации восточноазиатской модели развития в таких странах, как Япония и Южная Корея (РК). Дана периодизация экономического и социального развития этих стран во второй половине XX — первой четверти XXI в. Изучены общие черты и национальная специфика институционального регулирования перехода экономики от экстенсивного к интенсивному росту, от индустриальной к постиндустриальной стадии, от имитационного к инновационному типу развития. Исследованы механизмы государственно-частного партнерства (ГЧП), включая специфику взаимоотношений государства с корпоративным, малым и средним предпринимательством (МСП). На основании проведенного исследования сделан ряд обобщающих выводов и заключений. Родоначальником ВАМР стала Япония, однако уже начиная с 1970–1980-х гг. в национально-специфичном виде модель начала воспроизводиться новыми индустриальными странами и экономиками «первой волны», в том числе Южной Кореей, Тайванем, Сингапуром и Гонконгом. Именно успешная реализация восточноазиатской модели позволила этим странам в относительно короткие сроки стать развитыми, выйдя на постиндустриальный уровень. В отличие от западных моделей экономического и социального развития, для ВАМР характерен более высокий уровень общественного регулирования развивающейся и развитой рыночной экономики, включая создание и совершенствование эффективного механизма ГЧП, направленного, в частности, на упорядоченный переток капитала из трудоемких в капиталоемкие, а затем и в наукоемкие отрасли экономики.

Ключевые слова:

восточноазиатская модель, Япония, Республика Корея, государственное регулирование экономики, корпорации, МСП, ГЧП, догоняющее и опережающее развитие.

Для цитирования:

Карлусов В.В., Захарова Л.В., Ребрей С.М. Восточноазиатская модель развития и ее страновые субмодели: общее и особенное (на примерах Японии и Южной Кореи) // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 1. С. 59–76. DOI: 10.31857/S0131281225010053.

Восточноазиатскую модель развития (the East Asian development model) следует рассматривать, прежде всего, в контексте опыта успешного догоняющего и последовавшего за ним опережающего экономического роста ряда стран и экономик Восточной Азии¹, продемонстрированного ими во второй половине XX — первой четверти XXI в. (Японии, Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Макао, Сингапура, а затем и КНР²).

Теоретические основы и методология исследования. При разработке темы авторы учитывали выводы ряда зарубежных ученых по общеметодологическим проблемам системного анализа общественных процессов, экономического роста, глобализации, сформулированные, в частности, в трудах А. Алчяна, А. Бергмана, Л. Бертаганфи, Б. Блэнчарда, Э. Мэддисона, Д. Сазерлэнда, М. Фридмена и др.

В общих рамках системного междисциплинарного, ретроспективного и сравнительного анализа регионов мира выделялись мега-, макро-, мезо- и микроуровни экономического анализа. Использованы инструментарии стадийно-формационного и цивилизационного подходов к периодизации общественного развития, институционализма. Из методик обработки и систематизации статистических данных следует выделить корреляционный и регрессивный анализ, факторный анализ и экономико-математическое моделирование, графику и др.³

С точки зрения методологии ретроспективного системного анализа, модели развития конкретного региона мира и входящих в него стран — это комплексные описания основных характеристик их общественного развития, включая его базовый (экономика и социальная сфера) и институциональный (политика, идеология, наука, культура и др.) уровни. Учитывая территориальную близость, общность многих черт исторического опыта, национального менталитета, инструментов институционального регулирования экономики и т.п., мы вправе говорить о некой общей для стран ВА региональной модели развития, с той или иной степенью адаптации к национальной специфике, используемой практически во всех странах этого региона мира.

¹ В данной статье, в отличие от сугубо географических подходов, Восточная Азия (ВА) рассматривается в общем формате ее северо-восточной и юго-восточной составляющих (СВА и ЮВА), что, в частности, соответствует интеграционному процессу, реально идущему в этом макрорегионе мира.

² Гонконг и Макао сегодня входят в состав КНР в качестве специальных административных районов (САР Сянган и Аомэнь соответственно), Тайвань в соответствии с политикой «одного Китая», разделяемой Россией, также считается одной из провинций КНР. При этом следует учитывать, что мировая статистика (Всемирный банк и другие источники) приводит отдельную информацию по указанным экономикам, рассматривая их как де-факто различные таможенные единицы и территории. Необходимо также принимать во внимание, что Япония стала развитой страной еще до Второй мировой войны, а «четыре азиатских тигра» — Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур — по международным критериям были признаны развитыми экономиками только в 1990-е гг.

³ Подробнее о методологии исследования, авторской трактовке глобализации, регионализации и сопутствующих им явлений см., в частности: Карлусов В.В. Экономическая глобализация в структуре общественной глобализации: к методологии и теории исследования // 25 лет внешней политике Рос-сии: Сборник материалов X Конвента РАМИ: в 5 томах, Москва, 08–09 декабря 2016 года. Т. 4. Ч. 1. М.: МГИМО–Университет, 2017. С. 315–328; Карлусов В.В. Глава 20 // Перспективы экономической глобализации: монография / Коллектив авторов; под ред. А.С. Булатова. М.: КНОРУС, 2019. С. 529–566.

Обзор и анализ литературы и источников, актуальность исследования. В ходе исследования специфики японской и южнокорейской моделей авторы учитывали ряд общих положений и выводов известных российских востоковедов, в частности В.О. Кистанова⁴, И.П. Лебедевой⁵, С.С. Суслиной⁶, И.Л. Тимониной⁷, А.Н. Федоровского⁸, В.Г. Швыдко⁹ и др. Были приняты во внимание и современные научные разработки ряда отечественных ученых, посвященные комплексным основам функционирования экономических и общественных систем¹⁰, а также работы зарубежных ученых и экспертов из ВА¹¹. В то же время, критично оценивая аналитику, авторы предпочли опираться на первоисточники, в частности на аутентичные базы данных мировой, региональной и национальной статистики.

Исследованию восточноазиатской модели развития прямо или косвенно посвящено несколько десятков работ российских и зарубежных ученых 1980–2020-х гг. При этом выводы ряда исследований ВАРП, касающиеся, в частности, исторических истоков, сущностных составляющих, достоинств и недостатков, эволюции и перспектив ее развития, носят, на наш взгляд, дискуссионный характер. Так, данную модель считали «эрзац-капитализмом»¹²; выявляя ее институциональные недостатки, сравнивали ВАРП с «Вашингтонским консенсусом» как неким «идеальным вариантом»¹³; в качестве «изъянов» модели и факторов экономического кризиса называли «перенакопление капитала», «институциональную незрелость» и «государственный патернализм»¹⁴; в известные справочные издания вошли весьма узкие трактовки понятия «восточноазиатская модель», ограниченные лишь воздействием государственных инвестиций на экономический рост¹⁵. А отдельные востоковеды, видимо, отождествляя данную модель только с периодами

⁴ Кистанов В.О. Новые интеграционные проекты в АТР и Япония // *Японские исследования*. 2021. № 3. С. 76–89.

⁵ Лебедева И.П. Социально-экономическое измерение старения населения Японии // *Японские исследования*. 2023. № 4. С. 94–116.

⁶ Суслина С.С. Эволюция социально-экономической модели Республики Корея // *Общество и экономика*. 2004. № 2. С. 133–165.

⁷ Тимонина И.Л. Япония в глобальной экономике: реалии и прогнозы XXI века // *Мировое и национальное хозяйство*. 2023. № 1 (61). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2023/2023-01/japan-in-global-economy> (дата обращения: 19.05.2024).

⁸ Федоровский А.Н. Феномен чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея. М.: Стратегия, 2008. 318 с.

⁹ Швыдко В.Г. Первый год премьерства Кисиды Фумио: конец «абэномики» или ее продолжение? // *Японские исследования*. 2023. № 1. С. 80–93.

¹⁰ Прежде всего см.: Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М: Наука, 2004; Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2023.

¹¹ В частности, см.: Akamatsu K. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // *The Developing Economies*, 1962. No. 1. Pp. 3–25; Yoshihara K. The Rise of Ersatz Capitalism in South-East Asia. Singapore: Oxford University Press, 1988.

¹² Yoshihara K. The Rise of Ersatz Capitalism in South-East Asia. Singapore: Oxford University Press, 1988.

¹³ Карпец О.В. Институциональные особенности реформирования экономики: Восточноазиатская модель // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2008. № 2 (18). С. 73.

¹⁴ Мельянцева В.А. «Восточноазиатская модель» экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. М.: ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. С. 23–31; Мельянцева В.А. Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. М.: ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. С. 67–77.

¹⁵ Например, согласно определению в известной работе Чунь Линя, ВАРП — это модель, в рамках которой «правительство инвестирует в определенные секторы экономики, чтобы стимулировать рост конкретных новых отраслей экономики в частном секторе». См.: Chun L. China and Global Capitalism. Palgrave Macmillan, 2013. P. 78.

форсированной индустриализации стран Восточной Азии, по сути «похоронили» ее, полагая, что она «стала достоянием прошлого»¹⁶. Вторя им, некоторые современные авторы задаются вопросом: а существует ли вообще «особая восточноазиатская модель экономического развития или же это результат стечения множества факторов»?¹⁷

Подобные высказывания, утверждения и вопросы, однако, вступают в противоречие не только с очевидным фактом наличия ряда продуктивных институциональных особенностей взаимодействия власти и бизнеса в ВА в мировых сопоставлениях¹⁸, но и с продолжением ее опережающего развития по отношению ко всем другим регионам мира в XXI в. по темпам прироста основных макроэкономических показателей. Действительно, например, в 2001–2022 гг. валовой национальный доход (ВНД)¹⁹ на душу населения, исчисленный по паритету покупательной способности (ППС), возрос в ВА в 3,89 раза, продемонстрировав при этом максимальные в мире среднегодовые темпы прироста — 6,37 %, превысившие, соответствующий среднемировой показатель в 1,45 раза, а показатель Северной Америки в 1,86 раза (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Динамика подушевого ВНД (в параметрах ППС) по регионам мира в 2000–2022 гг.
(тыс. международных долл., %)
Dynamics of Per Capita GNI (PPP Parameters) by World Regions in 2000–2022
(Thousand International Dollars, %)

№ п/п*	Регионы мира	Объем подушевого ВНД				Темпы роста**
		2000	2010	2020	2022	
1	Восточная Азия и часть стран Тихоокеанского бассейна***	5,728	11,761	18,514	22,297	6,37
2	Южная Азия	2,095	4,031	6,211	7,818	6,17
3	Европа и Центральная Азия	15,846	25,962	36,141	43,541	4,70
4	Африка к югу от Сахары	1,961	3,146	3,734	4,292	3,63
5	Северная Америка	35,998	48,088	62,932	75,470	3,42
6	Ближний Восток и Северная Африка	11,299	16,716	16,372	19,542	2,52
7	Латинская Америка и Карибский бассейн	12,842	15,188	17,145	18,392	1,66
	Мир в целом	7,955	12,794	17,145	20,510	4,40

Источник: данные и расчет по данным Всемирного банка [Data and calculations based on World Bank data]. URL: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 17.05.2024).

*Рейтинг регионов в порядке убывания темпов прироста ВНД.

**Исчисленные как среднегеометрические темпы прироста в 2001–2022 гг.

***СВА, ЮВА, а также Австралия, Новая Зеландия и Океания.

¹⁶ Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 2.

¹⁷ Хилькевич Е. Азиатские тигры: ингредиенты экономического чуда // Dzen. 21.07.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZLIW0RQSiSuh4P6h> (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁸ Проявляющимся, в частности, в опережающих по отношению к ведущим странам Запада темпам прироста показателя качества институтов (исчисленного как среднее невзвешенное индикаторов эффективности государства и верховенства закона), например в 2000—2021 гг. на 19 проц. пунктов (рассчитано по: Мельянцева В.А. Насколько масштабно и быстро развивающиеся страны догоняют развитие? // Восток (Oriens). 2023. № 3. С. 11. DOI: 10.31857/S086919080025205–2).

¹⁹ Широко используется Всемирным банком для международных сравнений и считается более точным показателем богатства страны и ее граждан, чем ВВП (валовой внутренний продукт).

Весьма симптоматично, на наш взгляд, и то обстоятельство, что в мировом рейтинге по индексу человеческого капитала (*Human Capital Index*), рассчитываемого Всемирным банком (ВБ), в 2020-е гг. все первые позиции занимают страны и экономики — представители ВАР, в частности Сингапур лидирует с индексом 0,88 ед., на второй позиции — Гонконг (0,81), а третью и четвертую делят Япония и Южная Корея (обе по 0,80)²⁰.

Приведенные выше факторы и авторские оценки, сделанные на их основе, однозначно свидетельствуют об актуальности продолжения исследования восточноазиатской модели развития, включая компаративный анализ национальных субмоделей ее реализации.

Обоснование структурных особенностей исследования. При исследовании ВАР в компаративном анализе стран, входящих в регион, следует уделять особое внимание таким характеристикам и параметрам, как сопоставление уровней и стадий развития, соотношение форм собственности, региональная общность и национальная специфика взаимодействия экономических агентов, включая отношения государства с корпорациями и малыми и средними предприятиями (МСП), корреляция и пропорции между тремя основными механизмами общественного регулирования экономики — государственным, корпоративным и собственно рыночным (механизмом рыночной саморегуляции).

Цель настоящего исследования — проанализировать общие и особенные черты ВАР, сопоставляя опыт реализации национальных субмоделей в Японии и Южной Корее, а в дальнейшем и китайской модели, а также сделать выводы, объясняющие жизнеспособность и характеризующие достоинства и недостатки исследуемой модели.

Согласно логике ретроспективного системного анализа, авторами исследуются сначала страновые субмодели, на основе которых формулируется обобщающая характеристика ВАР. Выбор стран, в свою очередь, определяется следующими соображениями. Япония является пионером успешного догоняющего, а затем и опережающего развития в рамках исследуемой модели, которая затем в национально-специфичном виде была использована Южной Кореей. Китай же, при всех особенностях его пути, демонстрирует миру весьма конструктивный пример масштабирования ВАР в стране с многочисленным населением. Пример этот, во многом явившийся результатом пристального изучения китайскими реформаторами опыта Японии и «азиатских тигров», стал, в свою очередь, объектом внимания и даже подражания для многих стран с формирующимся рынком (*emerging market economies*), таких как Вьетнам²¹, КНДР²², Индонезия, Лаос и др. Китайское руководство в 2017 г., в частности, объявило о международной ценности китайского опыта, готовности нести в мир «китайскую мудрость и китайский вариант для решения проблем человечества»²³.

Япония как инициатор восточноазиатской модели развития

Япония — это первая незападная страна, сумевшая войти в число мировых технологических лидеров. Успешная модель догоняющего развития, включающая поэтапную смену политики импортозамещения и экспортной ориентации, сначала называлась

²⁰ Для сравнения: США по этому индексу занимают лишь 35-ю, а Россия 41-ю позиции (0,70 и 0,68 ед. соответственно). См.: *World Bank Group*. URL: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 19.05.2024).

²¹ Мазырин В.М. Вьетнамская экономика сегодня. Итоги 25 лет рыночной трансформации (1986–2010 гг.). М.: ИД «ФОРУМ», 2013. С. 21.

²² Непокойное соседство: проблемы Корейского полуострова и вызовы для России: коллективная монография / Под ред. Г.Д. Толорая. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 68.

²³ Виноградов А.В., Рябов А.В. Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 3. С. 69–86. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.05

японской, а когда ее в адаптированном к национальной специфике виде реализовали новые индустриальные страны первой волны (Республика Корея, Гонконг, Тайвань и Сингапур), стала именоваться восточноазиатской. В отличие от Японии, сделавшей ставку на внутренние финансовые и трудовые ресурсы и импорт технологий, «азиатские тигры» придерживались более открытой модели, и их экономическое чудо во многом связано с массированным импортом капитала из США, Японии и Китая.

Современная социально-экономическая модель Японии представляет особый интерес по ряду причин. Во-первых, Япония сохраняет место технологического и индустриального лидера в условиях четвертой промышленной революции. Во-вторых, Япония раньше других постиндустриальных обществ столкнулась со старением населения и вынуждена адаптировать экономику под нужды «суперстарого» общества (уже около 30 % населения Японии старше 65 лет²⁴), при этом реализуя высокий инновационный потенциал. В-третьих, сохраняя промышленное лидерство, в том числе в таких ресурсоемких производствах, как металлургия, Япония демонстрирует приверженность устойчивому развитию, минимизируя ущерб для окружающей среды.

Среди проблем японской экономики выделяют низкие темпы роста (1–1,5 % последние три десятилетия против 2–3 % в западных экономиках). Сами японцы называют декады низких темпов роста «потерянными десятилетиями», коих насчитывается уже три²⁵, начиная с 1990-х гг. и кризиса экономики «мыльного пузыря». Среди основных причин кризиса называют, во-первых, перегрев экономики, ее запоздалую сервисизацию и интенсификацию производства, считая этот кризис структурным; во-вторых, троекратную ревальвацию йены (вследствие Плазского соглашения) и последующий рост экспорта капитала и вынос производств обрабатывающей промышленности за рубеж. В 1990-е гг. на фоне низкой экономической конъюнктуры началась деиндустриализация экономики. И хотя сокращение экономики было незначительным и продлилось недолго (1993 г. -0,5%), динамика уже не вернулась к былым темпам. С одной стороны, постиндустриальная экономика и не предполагает активного роста²⁶, тем не менее на фоне других постиндустриальных стран (США и ЕС) японская экономика растет медленнее. Низкие темпы роста являются следствием наличия целого ряда проблем в японском обществе и экономике — сокращения численности рабочей силы, ригидности рынка, роста неравенства, хронической дефляции и др.

Отношение государственных расходов к ВВП в Японии традиционно существенно меньше, чем в странах развитого Запада (рис. 1), что, на наш взгляд, является одним из следствий преобладания неформальных методов государственного регулирования экономики. Модель японского вмешательства в экономику получила название «мягкого административного руководства» из-за преобладания методов планирования, убеждения и стимулирования над методами прямого вмешательства. В частности, бюрократический аппарат формирует стратегическое направление развития страны и разрабатывает детальный план по достижению поставленных задач. Национальная специфика проявляется в данном случае в стремлении к сотрудничеству государства, бизнеса и науки при выработке повестки развития. Институционально оно реализовалось в виде консультационных и специальных советов и комитетов при ведомствах, мини-

²⁴ World Population Prospects 2024 // UN. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 09.02.2024).

²⁵ Third Report of the Committee on New Direction of Economic and Industrial Policies // *Ministry of Economy, Trade and Industry*. 2024. URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/economy/industrial_council/pdf/240628002.pdf (дата обращения: 07.10.2024).

²⁶ См., напр.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ВШЭ, 2000.

стерствах и предпринимательских организациях, самой известной и влиятельной из которых является *Кэйданрэн* (経団連)²⁷.

Согласно стратегии, предложенной Кабинетом министров Японии в 2022 г., основным направлением развития выступает ныне создание современной формы капитализма, при которой именно социальные вызовы становятся новым источником роста²⁸. Под этим, в частности, подразумевается расширение форм взаимодействия государства, общества, бизнеса и науки для адаптации экономики к потребностям и нуждам стареющего общества с помощью таких мер, как культивирование здорового долголетия, повышение автоматизации и роботизации производства, рост числа инновационных стартапов²⁹.

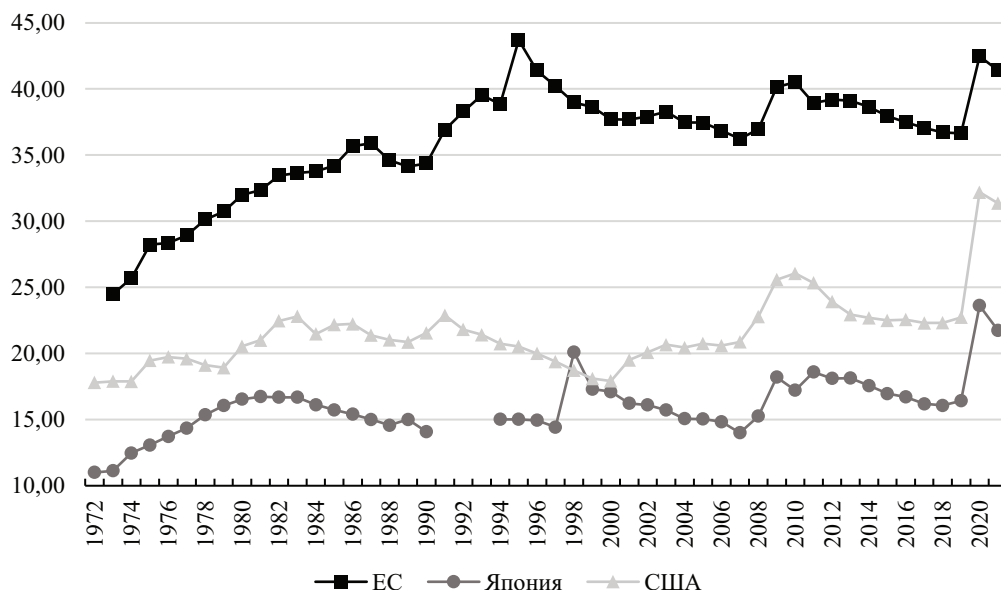

Рис. 1. Доля государственных расходов в ВВП, 1972–2021 гг., %

Fig. 1. Share of Government Spending in GDP, 1972–2021, %

Источник: Всемирный банк / World Bank.

Корпоративный сектор Японии характеризуется горизонтальным и вертикальным группированием компаний. Горизонтальные группирования (*кигё сюдан* 企業集団) представляют финансово-промышленные группы, образованные на месте расформированных семейных концернов *дзайбацу* (財閥)³⁰. Однако на смену семейной основе пришла более современная форма взаимодействия — перекрестное владение акциями, при котором ядром группы выступает определенный банк.

²⁷ Сокращенное название созданной в 1946 г. Федерации экономических организаций (*Кэйдзай дантай рэнгокай*), своего рода штаба японского частного предпринимательства, могущественной организации, объединяющей крупнейшие компании, отраслевые ассоциации и экономические группы страны. См.: Кэйданрэн // Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_japan/406/Кэйданрэн (дата обращения: 07.10.2024).

²⁸ Швыдко В.Г. Первый год премьерства Кисиды Фумио: конец «абэномики» или ее продолжение? // Японские исследования. 2023. № 1. С. 80–93.

²⁹ Kishida F. Speech by Prime Minister Kishida Fumio at the Guildhall in London. 5 May 2022.

³⁰ Подробнее о них см., в частности: ДЗАЙБАЦУ // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1953695 (дата обращения: 07.10.2024).

Другой формой группирований компаний выступают вертикальные группы (*кэйрэцу* 系列), представляющие собой объединение крупных корпораций с подрядчиками и субподрядчиками. Причем отношения между головной компанией и подрядчиками и субподрядчиками в рамках *кэйрэцу* основываются на доверии и носят долгосрочный характер, иногда даже в ущерб конкуренции. Тем не менее именно головная корпорация выступает основным бенефициаром этих отношений, благодаря снижению производственных издержек (за счет экономии в первую очередь на трудовых ресурсах), повышению мобильности производства, перераспределению и снижению рисков и других сопутствующих мер. Головная компания оказывает всяческую поддержку своим дочерним предприятиям (например, может помочь в обновлении производственного оборудования или в повышении квалификации сотрудников), а также представляет собой надежного партнера и заказчика для МСП.

Важнейшей составляющей японского менеджмента выступает пожизненный найм части рабочей силы. Помимо пожизненного трудоустройства (точнее, от окончания вуза до пенсии), он предполагает оплату труда и повышение по службе в соответствии с выслугой лет, ротацию персонала, пожизненное обучение и множество других бонусов (например, тринадцатая зарплата, страховой медицинский полис, обычно включающего всех членов семьи). В результате корпорация становится своего рода вторым домом, благодаря чему повышается трудолюбие японских работников и их преданность компании. Пожизненный найм сопряжен с постоянными переработками, трудовой неделей продолжительностью более 60 часов, что скорее обусловлено командным духом и корпоративной этикой, а не его сверхэффективностью. В Японии даже есть специальный термин для смерти от чрезмерной нагрузки на работе (*кароси* 過労死), поскольку это явление, увы, не столь уж редкое.

В целом, пожизненный найм показал свою эффективность в период ускоренной индустриализации и повышенных темпов роста, когда компании могли увеличивать численность и повышать заработную плату сотрудников. Однако «потерянные десятилетия» оказались несовместимы с такой системой и привели к социальному кризису и появлению так называемого потерянного поколения — выпускников вузов 1990-х — начала 2000-х гг., которые не попали в когорту пожизненно нанятых, т.к. компании уже не расширяли штат менеджеров. Массированный же вынос производств за рубеж после кризиса экономики «мыльного пузыря» сопровождался сокращением занятых в промышленности самой Японии, тогда как угроза банкротства вынудила японские корпорации существенно пересмотреть свои прежние традиции ведения бизнеса³¹.

Человеческий капитал Японии характеризуется высоким уровнем развития во многом за счет качественной и эффективной системы образования, а также высокого уровня здоровья нации. Однако высокая продолжительность жизни в сочетании с низкой рождаемостью и крайне низкой иммиграцией привела к старению и сокращению населения. Сравнительно быстрое и неизбежное сокращение трудоспособной части населения при одновременном росте налогового бремени и социальных расходов на пожилых формируют новые вызовы в развитии человеческого капитала — повышение производительности труда и продление здорового долголетия³². Основным инструментом достижения поставленных задач выступает продукция четвертой промышленной революции. Например, для повышения здоровья нации планируется создать унифицированную базу дан-

³¹ Ребрей С.М. Транснационализация японского бизнеса. М.: МГИМО-Университет, 2015.

³² Лебедева И.П. Социально-экономическое измерение старения населения Японии // Японские исследования. 2023. № 4. С. 94–116.

ных³³, в которую войдет информация о человеке, начиная от генетических данных и медицинской истории его родителей, показаний во время беременности (утробного периода), заканчивая его собственной медицинской историей. Такие данные будут доступны не только в медучреждениях, но и в других организациях сферы здоровья (например, для спортивных тренеров, консультантов по питанию и пр.). Более того, наличие такой базы данных позволит вывести медицинскую науку страны на новый уровень.

Одним из методов смягчения темпов сокращения трудоспособной части населения выступает политика по привлечению женщин в состав рабочей силы. Эта политика была активизирована в 2013 г. как одно из приоритетных направлений *абэномики*³⁴ и получила название «*вуменомика*». Однако активное стимулирование женской занятости при одновременном сохранении перекосов в распределении домашнего труда привело к еще более стремительному падению и без того низкой рождаемости: в 2016 г. в Японии впервые родилось меньше 1 млн младенцев (977 тыс.)³⁵, а в 2024 г. Токио «вступил в клуб» агломераций с суммарным коэффициентом рождаемости меньше 1³⁶. Новая версия *вуменомики* нацелена на расширение прав и возможностей японских женщин и рассматривает это как один из ключевых источников экономического роста страны в будущем. В целом же, Япония отличается крайне низким уровнем гендерного равенства на фоне развитых экономик Запада (что выражается в непропорциональном участии женщин в неоплачиваемом домашнем труде), сильной вертикальной и горизонтальной сегрегацией на рынке труда, низкой представленностью женщин в институтах власти и науки³⁷.

Важной чертой современной японской экономики является ее высокая наукоемкость. Так, отношение расходов на НИОКР к ВВП составляет 3,3 % и стабильно растет. В то же время в последние годы основную конкуренцию Японии в наукоемкости ВВП составляют не только США, но и такие страны ВА, как Южная Корея и Китай, стремительно наращивающие свой научный потенциал (рис. 2).

Основу инвестиций в НИОКР составляет корпоративный сектор, что обуславливает его фокусирование на прикладных науках и стремление к скорейшему внедрению результатов научных исследований в производство. При этом развитие фундаментальных наук уступает в масштабах и динамике прикладным наукам, что является определенным тормозом на пути развития научного потенциала страны. Из других недостатков научных институтов в Японии отмечается их иерархичность, неготовность к изменениям, а также низкая вовлеченность в международную академическую мобильность³⁸.

Хотя на современном этапе доля Японии в мировом ВВП постепенно сокращается (во многом вследствие более быстрого развития таких стран-гигантов, как Китай и Индия), однако именно Япония может служить примером современного эффективного и

³³ Japan Society 5.0 // *Cabinet Office*. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/society5_0/index.html (дата обращения: 09.02.2024).

³⁴ Название экономической политики, проводившейся правительством премьер-министра Японии Синдзо Абэ начиная с декабря 2012 г.

³⁵ Japan Statistical Yearbook 2024 // *Statistic Bureau*. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/73nenkan/index.html> (дата обращения: 07.10.2024).

³⁶ Influx of single women drives Tokyo birth rate to lowest in Japan // *Nikkei Asia*. July 27, 2024. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Datawatch/Influx-of-single-women-drives-Tokyo-birth-rate-to-lowest-in-Japan#:~:text=Tokyo's%20fertility%20rate%20dropped%20below,has%20exceeded%20the%20national%20average> (дата обращения: 07.10.2024).

³⁷ Rebrey S.M. Women in small and medium enterprises and entrepreneurship in Japan // *MGIMO Review of International Relations*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 170–185. DOI: 10.24833/2071–8160–2020–3–72–170–185.

³⁸ Татаринова С.М. Япония: система государственной поддержки развития науки // *Полис. Политические исследования*. 2014. № 1. С. 166–174.

инновационного роста с сохранением высокой совокупной факторной производительности (СФП)³⁹, причем в условиях старения населения, сокращения трудовых ресурсов и соответствующего повышения демографической нагрузки на занятых.

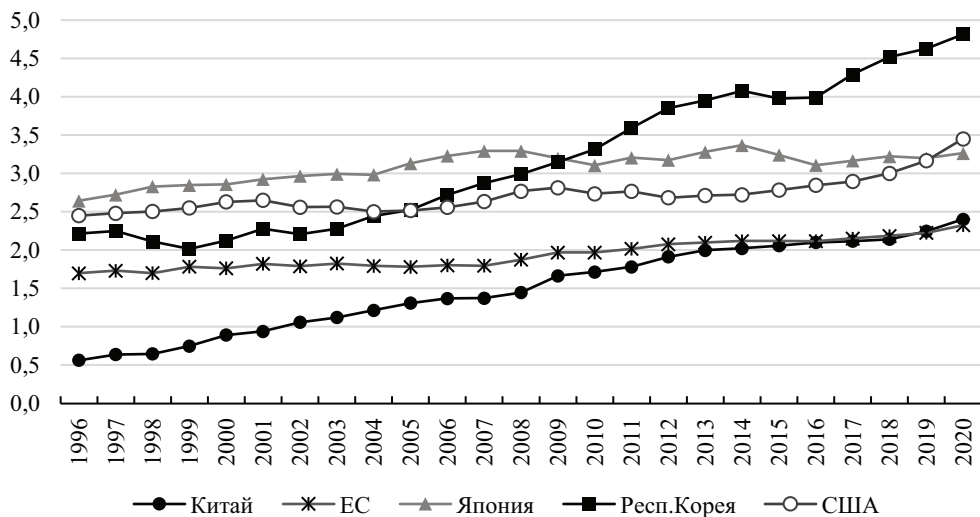

Рис. 2. Научеомкость ведущих экономик, 1960–2020 гг., %

Fig. 2. Share of R&D Expenditure in GDP of Leading Economies, 1960–2020, %

Источник: Всемирный банк / World Bank.

Республика Корея как реципиент японского опыта ВАР и типичный представитель новых индустриальных стран

В экономическом развитии Республики Корея (РК) можно выделить 3 макроэтапа. На первом из них (1948–1960) страна получала масштабную внешнюю помощь от США и пыталась проводить импортозамещающую промышленную политику. Однако к большим успехам она не привела: темпы экономического роста были невысокими (около 4 % в среднем в 1953–1962 гг.), уровень жизни не повышался. На втором макроэтапе (1961–1997) южнокорейское руководство, во главе которого в 1960–1970-е гг. находился генерал Пак Чон Хи, перешло к реализации стратегии экспортоориентированного развития. Страна добилась впечатляющих результатов в модернизации экономики, получивших название «чуда на реке Хан». Современный этап, начавшийся после Азиатского финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг., характеризуется реформированием экономической системы РК в сторону большей либерализации и еще более активного участия в мирохозяйственных связях⁴⁰.

Особенностью южнокорейской модели развития изначально являлась доминирующая роль государства в модернизации национальной экономики. До конца 1980-х гг. стержневую роль играл фактор централизованного государственного участия в экономическом развитии РК, что в целом соответствовало господствовавшим в то время авторитарным формам ее политической системы. Именно государство обеспечивало основу для

³⁹ Но с меньшими темпами ее прироста, чем, в частности, в Китае и Южной Корее. См., напр.: Мельянец В.А. Насколько масштабно и быстро развивающиеся страны догоняют развитые? // Восток (Oriens). 2023. № 3. С. 6–20.

⁴⁰ Сулина С.С. Корея: 70 лет раскола // Азия и Африка сегодня. 2018. № 11 (736). С. 4.

интенсификации производства, создавало условия для осуществления структурных сдвигов в народном хозяйстве, брало на себя функцию организации, финансирования и контроля за развитием. При этом жесткий государственный контроль за экономической деятельностью сочетался с сохранением рыночных принципов хозяйствования, а на долю госсектора приходилось менее 10 % ВВП страны⁴¹.

В начале 1960-х гг. в условиях узости внутреннего рынка южнокорейское государство взяло курс на реализацию модели экспортной ориентации индустриального развития. Основной задачей было создание эффективного механизма экономического роста за счет расширения участия в международном разделении труда с использованием местной дешевой рабочей силы и возможностей доступа к капиталу, технологиям и рынкам капиталистических стран. Для осуществления государственного регулирования и стимулирования экспорта были созданы Управление экономического планирования и Корейская корпорация содействию внешней торговли. Среди основных механизмов, которыми государство добивалось достижения поставленных в экономике целей, важное место занимали индикативные планы развития. Всего было реализовано 6 пятилетних планов, практика составления которых, однако, сошла на нет с началом Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг.

В 1960–1970-е гг. правительство играло центральную роль не только в определении приоритетов экономического развития, но и оказывало определяющее влияние на распределение финансовых ресурсов в экономике. Валовая норма накопления капитала за 1962–1976 гг. увеличилась с 3 до 27 % ВВП⁴². При этом доля государства в капиталовложениях превышала 70 %, а более половины всех банковских займов выдавались по указанию правительства. Слабость банковской системы РК и сложившаяся система «бюрократического капитализма», в которой бизнес оказался тесно связан с чиновниками, стали в дальнейшем факторами уязвимости южнокорейской экономики перед лицом глобальных вызовов.

Крупный монополистический капитал и его взаимодействие с властью занимают особое место в экономической системе РК. Число крупнейших монополистических групп (*чеболей*) увеличилось с 5 в 1953 г. до почти 100 в начале 1990-х гг. В 1984 г. на 5 крупнейших конгломератов приходилось 50 % ВВП. Концентрация и монополизация капитала порой вела к чрезмерной диверсификации их деятельности. Например, в 1998 г. 5 крупнейших чеболей насчитывали в своем составе 257 филиалов и дочерних компаний⁴³. Сотрудничество государства и местных корпораций помогало последним активно развиваться и успешно конкурировать на мировом рынке, однако система госрегулирования ограничивала свободу деятельности частного предпринимательства, вызывая недовольство деловой элиты. В сложившихся неформальных связях государство могло перекладывать на крупный бизнес финансирование ряда политических и социальных проектов. В ответ *чеболи* рассчитывали на благосклонность правительства при решении своих собственных проблем и задач⁴⁴.

По мере демократизации южнокорейского общества стали появляться изменения и в экономической системе страны. С 1990-х гг. в ней стали нарастать тенденции либерализации и более активного включения в глобальные интеграционные процессы. Триггером для трансформации созданной ранее модели ускоренного развития стал Азиатский

⁴¹ Захарова Л.В., Коргун И.А. Экономика государств Корейского полуострова. М.: МГИМО-Университет, 2022. С. 76.

⁴² Суслина С.С. Эволюция социально-экономической модели Республики Корея // *Общество и экономика*. 2004. № 2. С. 143.

⁴³ Суслина С.С. Эволюция социально-экономической модели Республики Корея // *Общество и экономика*. 2004. № 2. С. 144–145.

⁴⁴ Федоровский А.Н. Феномен чеболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея. М.: Стратегия, 2008. С. 53.

финансовый кризис 1997–1998 гг., поставивший Южную Корею на грань финансового дефолта. Правительство РК было вынуждено обратиться за помощью к МВФ и при принятии решений по стабилизации экономической ситуации опираться на его рекомендации. Для реформирования экономики было выделено четыре главных направления: финансы, рынок труда, государственное управление и корпоративный сектор⁴⁵. Была проведена санация банковской системы, позволившая оздоровить финансовый сектор страны, а также ослаблены ограничения на приток иностранных инвестиций. Система стала эволюционировать в сторону приоритетности косвенного государственного вмешательства с целью обеспечения эффективного функционирования рыночной экономики. На внешней арене правительство перешло к стратегии заключения преференциальных соглашений о создании зон свободной торговли (ЗСТ), которые обеспечивали больше возможностей для наращивания торговли и поддержания динамичных темпов экономического роста, а также укрепления сотрудничества со странами-партнерами⁴⁶.

На современном этапе для Республики Корея характерен один из самых низких уровней государственных расходов среди стран — членов ОЭСР: в 2019 г. он был равен 34 % ВВП (средний показатель для ОЭСР — 47 %)⁴⁷. Планирование и мониторинг выполнения целей экономического развития на современном этапе находится в ведении Министерства экономики и финансов (МОЕФ) РК, а также других министерств в соответствии с зонами их компетенции. Например, в New Growth Strategy 4.0, обнародованной МОЕФ в декабре 2022 г., содержатся цели по реализации 15 ключевых высокотехнологичных проектов для ускорения экономического роста РК в средне- и долгосрочной перспективе (среди них — создание умных транспортных систем для коммерциализации технологий беспилотного вождения, строительство новых дата-центров, продвижение технологий искусственного интеллекта, развитие экологичного транспорта и др.). В качестве «национальных стратегических технологий» правительством были выделены четыре сектора — полупроводники, дисплеи, аккумуляторы, биотехнологии. Налоговые льготы и государственные субсидии для инвесторов в развитие приоритетных отраслей в РК являются важными инструментами правительства.

После проведенной в конце 1990-х гг. реструктуризации корпоративного сектора РК, чеболи продолжили составлять основу предпринимательской структуры страны. На долю малого и среднего бизнеса, обеспечивающего занятость 81 % населения, приходится менее 48 % создаваемой в экономике добавленной стоимости и менее 40 % экспорта⁴⁸. Правительство прилагает существенные усилия для поддержки МСП: функционируют специализированные государственные финансовые институты для их льготного кредитования, оказывается поддержка в области консалтинга и образовательных программ. Особый акцент делается на поддержку инновационных стартапов в попытке стимулировать отечественный венчурный бизнес.

С самого начала курс Республики Корея на проведение экспорториентированной индустриализации стал возможен благодаря государственному стимулированию научно-технического прогресса. Для поддержки частного капитала в развитии научных исследований государство расширяло круг налоговых льгот, скидок и приоритетов. В результате

⁴⁵ Сулина С.С., Самсонова В.Г. Единение против напасти // *Россия в глобальной политике*. 2021. Т. 19. № 1 (107). С. 201–211.

⁴⁶ Коргун И.А., Зуев В.Н. Торговая политика Республики Корея как инструмент реализации национальных экономических интересов страны // *Вестник международных организаций*. 2020. Т. 15. № 2. С. 238.

⁴⁷ Government at a Glance 2021 Country Fact Sheet // *OECD*. URL: <https://www.oecd.org/gov/gov-at-a-glance-2021-korea.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).

⁴⁸ Status of Korean SMEs // *Ministry of SMEs and Startups*. URL: <https://www.mss.go.kr/site/eng/02/20202000000002019110610.jsp> (дата обращения: 10.06.2024).

быстро поменялось соотношение затрат на цели НИОКР между государственными и частными инвесторами (с 79:21 в 1970 г. до 20:80 в 1986 г. соответственно). Внедрение новой техники и технологий в корпоративный сектор страны во многом осуществлялось благодаря приобретению зарубежных патентов, лицензий, ноу-хау, услуг типа инжиниринга. С начала 1990-х гг. правительство Республики Корея сосредоточило усилия на трех направлениях: развитие исследований в области фундаментальной науки, обеспечение эффективного распределения и применения научных и технологических ресурсов и расширение международного сотрудничества⁴⁹.

Высокий уровень расходов на НИОКР является одной из характерных особенностей современной экономической модели РК. В 2021 г. их доля относительно ВВП превышала 4,9 %, что было почти в 2 (точнее, в 1,82) раза выше среднего по странам ОЭСР уровня в 2,7 %⁵⁰. Основная доля расходов обеспечивается бизнесом, и прежде всего крупнейшими корейскими чеболями. Стимулирование НИОКР необходимо для поддержания экономического роста РК, сложно достижимого без завоевания новых экспортных ниш, способных обеспечивать южнокорейских производителей заказами в условиях жесткой международной конкуренции в высокотехнологичных секторах.

Оборотной стороной экономических успехов РК стал рост социальной напряженности и обострение демографических проблем. Из-за многолетнего снижения уровня рождаемости с 2020 г. началось сокращение населения Южной Кореи. По прогнозам местных аналитиков, в течение следующих 20 лет численность трудоспособного населения РК может сократиться на 25 %. Правительство пытается принимать меры по стимулированию рождаемости, которые пока не приводят к существенным результатам, а также повышает квоты для привлечения в страну иностранной рабочей силы. При этом основной задачей для предотвращения негативных сценариев экономического развития на фоне сокращения населения и его старения является качественное повышение производительности труда за счет инноваций.

Уязвимым местом южнокорейской экономической модели является также высокая степень зависимости от внешних рынков и мировой конъюнктуры на фоне объективной ограниченности внутреннего рынка. Китайско-американское противостояние, перебои в цепочках поставок, колебания спроса на ключевые экспортные товары (полупроводники, автомобили и др.) и протекционистские меры основных экономических партнеров требуют от РК постоянного поиска новых экспортных ниш и поставщиков сырья и материалов с целью хеджирования рисков.

* * *

Восточноазиатская модель развития — это весьма эффективная макрорегиональная разновидность моделей догоняющего и в последующем опережающего развития, которую можно считать одним из основных драйверов постепенного переноса центра мировой экономической активности с Запада на Восток и, в частности, в Восточную Азию, включая ее северо-восточный и юго-восточный регионы.

Родоначальником данной модели стала Япония, однако уже начиная с 1970–1980-х гг., в национально-специфичном виде ВАМР стала воспроизводиться новыми индустриальными странами и экономиками (НИС) «первой волны», включая Южную Корею, Тайвань, Сингапур и Гонконг. Именно успешная реализация восточноазиатской модели позволила этим странам и экономикам в относительно короткие сроки стать разви-

⁴⁹ Самсонова В.Г. Южнокорейская политика в сфере науки и техники // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 4. С. 110–111.

⁵⁰ Данные и расчет по данным: Gross domestic spending on R&D. Total, % of GDP, 2000–2022 // *OECD*. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

тыми, выйдя на постиндустриальную стадию развития. В последующие же периоды XX—XXI вв. те или иные варианты национальной адаптации исследуемой модели демонстрировали и продолжают применять менее развитые страны ВА, такие как Малайзия, Филиппины, Вьетнам, Лаос и др.

В отличие от западных моделей экономического и социального развития для ВАРМ характерен более высокий уровень общественного регулирования развивающейся и развитой рыночной экономики, включая создание и совершенствование эффективного механизма государственно-частного партнерства, направленного, в частности, на упорядоченный переток капитала из трудоемких в капиталоемкие, а затем и в наукоемкие отрасли экономики.

Отличием ВАРМ также является осознанное сочетание экспортной ориентации и импортозамещения в отраслях экономики с высокой добавленной стоимостью, создание и стимулирование государством развития крупных азиатских ТНК, использующих национальные конкурентные преимущества и функционирующих главным образом в сфере ориентированной на внешние рынки обрабатывающей промышленности.

Одним из источников внешнего финансирования и геополитической поддержки реализации ВАРМ следует считать помощь, оказанную Японии и НИС ВА со стороны более развитых стран Запада, прежде всего США, в условиях существовавшей до распада СССР (1991) биполярной системы и, в частности, в условиях военно-политических союзов США с Японией и Южной Кореей. Неудивительно в этой связи, что Япония и РК ныне пытаются идентифицировать себя с западным миром, поддерживая идеи «порядка, основанного на правилах» и включаясь в иницилируемые США экономические, военные и технологические альянсы.

В то же время нельзя недооценивать и отрицательного воздействия внешних факторов на развитие ВАРМ, таких, в частности, как принудительная ревальвация иены в результате Плазского соглашения 1985 г., спекулятивный приток, а затем и отток из ВА западного краткосрочного капитала, ставший одной из причин Азиатского валютно-финансового кризиса 1997–1998 гг.

Сравнивая японскую и южнокорейскую субмодели ВАРМ, следует подчеркнуть, что на современном этапе обе они характеризуются ориентацией производства и корпоративной среды на экспорт при высоком уровне вложений в НИОКР. Важную роль продолжает играть крупный бизнес, хотя государство пытается задействовать все больше инструментов для поддержки и развития МСП. Однако малым предприятиям все еще сложно конкурировать с местными корпорациями за наиболее квалифицированную рабочую силу. Человеческий капитал выступает важнейшим фактором экономического развития и высокой конкурентоспособности товаров на внешних рынках.

Выявляя национальную специфику исследованных субмоделей ВАРМ, следует выделить определенные отличия политики двух стран в области развития человеческого капитала. Так, если новые демографические вызовы вынуждают Японию уделять еще больше внимания этому развитию на основе технологий четвертой промышленной революции с особым фокусом на идеях гендерного равенства, то Республика Корея предпочитает решать подобные проблемы в том числе за счет расширения внешнего иммиграционного притока рабочей силы.

К внутренним факторам и источникам проблем развития ВАРМ, учитывая соответствующий опыт Японии и Южной Кореи, следует отнести коррупционное сращивание власти и крупного корпоративного бизнеса на родственной основе, отрыв финансового сектора от реального сектора в периоды перегрева экономики, относительное запаздывание политической демократизации общества по сравнению с экономической.

Литература

- Виноградов А.В., Рябов А.В. Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе меж-системной трансформации // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 3. С. 69–86.
DOI: 10.17976/jpps/2019.03.05
- Захарова Л.В., Коргун И.А. Экономика государств Корейского полуострова. М.: МГИМО-Университет, 2022. 300 с.
- Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2023. 509 с.
- Карлусов В.В. Экономическая глобализация в структуре общественной глобализации: к методологии и теории исследования // *25 лет внешней политике России: Сборник материалов X Конвента РАМИ: в 5 томах, Москва, 08–09 декабря 2016 года*. Т. 4. Ч. 1. М.: МГИМО–Университет, 2017. С. 315–328.
- Карлусов В.В. Глава 20 // *Перспективы экономической глобализации: монография* / Коллектив авторов; под ред. А.С. Булатова. М.: КНОРУС, 2019. С. 529–566.
- Карпец О.В. Институциональные особенности реформирования экономики: Восточноазиатская модель // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2008. № 2 (18). С. 71–76.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ВШЭ, 2000. 600 с.
- Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука, 2004. 256 с.
- Кистанов В.О. Новые интеграционные проекты в АТР и Япония // *Японские исследования*. 2021. № 3. С. 76–89.
- Коргун И.А., Зуев В.Н. Торговая политика Республики Корея как инструмент реализации национальных экономических интересов страны // *Вестник международных организаций*. 2020. Т. 15. № 2. С. 236–254.
- Лебедева И.П. Социально-экономическое измерение старения населения Японии // *Японские исследования*. 2023. № 4. С. 94–116.
- Мазырин В.М. Вьетнамская экономика сегодня. Итоги 25 лет рыночной трансформации (1986–2010 гг.). М.: ФОРУМ, 2013. 383 с.
- Мельянцев В.А. «Восточноазиатская модель» экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. М.: ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. 52 с.
- Мельянцев В.А. Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. М.: ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. 84 с.
- Мельянцев В.А. Насколько масштабно и быстро развивающиеся страны догоняют развитые? // *Восток (Oriens)*. 2023. № 3. С. 6–20. DOI: 10.31857/S086919080025205–2
- Неспокойное соседство: проблемы Корейского полуострова и вызовы для России: коллективная монография / Под ред. Г.Д. Толорая. М.: МГИМО—Университет, 2015. 343 с.
- Рибрей С.М. Транснационализация японского бизнеса. М.: МГИМО—Университет, 2015. 133 с.
- Самсонова В.Г. Южнокорейская политика в сфере науки и техники // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 4. С. 109–121.
- Суслина С.С. Корея: 70 лет раскола // *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 11 (736). С. 2–9.
- Суслина С.С. Эволюция социально-экономической модели Республики Корея // *Общество и экономика*. 2004. № 2. С. 133–165.
- Суслина С.С., Самсонова В.Г. Единение против напасти // *Россия в глобальной политике*. 2021. Т. 19. № 1 (107). С. 201–211.
- Татарнинова С.М. Япония: система государственной поддержки развития науки // *Полис. Политические исследования*. 2014. № 1. С. 166–174.
- Тимошина И.Л. Япония в глобальной экономике: реалии и прогнозы XXI века // *Мировое и национальное хозяйство*. 2023. № 1 (61). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2023/2023–01/japan-in-global-economy> (дата обращения: 19.05.2024).
- Федоровский А.Н. Феномен чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея. М.: Стратегия, 2008. 318 с.
- Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 118 с.
- Швыдко В.Г. Первый год премьерства Кисида Фумио: конец «абэномики» или ее продолжение? // *Японские исследования*. 2023. № 1. С. 80–93. DOI 10.55105/2500–2872–2023–1–80–93.
- Akatatsu K. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // *The Developing Economies*, 1962. № 1. Pp. 3–25.

Chun L. China and Global Capitalism. Palgrave Macmillan, 2013. 266 p.

Rebrey S.M. Women in small and medium enterprises and entrepreneurship in Japan // *MGIMO Review of International Relations*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 170–185. DOI: 10.24833/2071–8160–2020–3–72–170–185

Yoshihara K. The Rise of Ersatz Capitalism in South-East Asia. Singapore: Oxford University Press, 1988. 257 p.

The East Asian Development Model and Its Country Submodels: General and Specific (Based on the Examples of Japan and South Korea)

Vyacheslav V. Karlusov

Dr.Sc. (Economics), Professor, World Economy Department, MGIMO-University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000–0003–2632–1542.
E-mail: vk5577@yandex.ru; karlusov@mgimo.ru

Liudmila V. Zakharova

Ph.D. (Economics), Academic Secretary, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000–0001–6164–3518. E-mail: zakharova@iccaras.ru

Sofia M. Rebrey

Ph.D. (Economics), Associate Professor, World Economy Department, MGIMO-University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000–0002–6244–4497. E-mail: s.rebrei@inno.mgimo.ru

Received 17.12.2024.

Abstract:

In this article, an attempt is made to study the general and specific characteristics of the East Asian development model (EADM) from the methodological standpoint of retrospective system analysis. The introduction presents the research methodology, the authors' understanding of the model of social development, including its basic (economic) and institutional levels, as well as the controversial approaches to the study of EADM based on a brief analysis of the relevant literature. Further, in the global comparisons, the specific experience of implementing the East Asian development model in countries such as Japan and South Korea (ROK) is considered. The periodization of the economic and social development of these countries in the second half of the 20th — first quarter of the 21st centuries is presented. The authors study general features and national specifics of the institutional regulation of the transition of an economy from extensive to intensive growth, from industrial to post-industrial stage, from imitation to innovative type of development. The mechanisms of public-private partnership are investigated, including the specifics of the relationship between the state and corporate, small and medium-sized enterprises. Based on the conducted research, a number of general findings and conclusions are made. The founder of the EADM was Japan, however, starting from the 1970–1980s, in a nationally specific form it began to be reproduced by new industrial countries and economies of the "first wave", including South Korea, Taiwan, Singapore and Hong Kong. It was the successful implementation of the EADM that allowed these countries and economies to become developed in a relatively short time, reaching the post-industrial stage of development. Unlike Western models of economic and social development, the EADM is characterized by a higher level of public regulation of the developing and developed market economy, including the creation and improvement of an effective mechanism of public-private partnership aimed, in particular, at the orderly flow of capital from labor-intensive to capital-intensive, and then to knowledge-intensive sectors of the economy.

Key words:

East Asian model, Japan, South Korea, state regulation of the economy, corporations, SMEs, PPP, catching up and advancing development.

For citation:

Karlusov V.V., Zakharova L.V., Rebrey S.M. The East Asian Development Model and Its Country Submodels: General and Specific (Based on the Examples of Japan and South Korea) // *Far Eastern Studies*. 2025. No. 1. Pp. 59–76. DOI: 10.31857/S0131281225010053.

References

- Akamatsu K. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries. *The Developing Economies*. 1962. No. 1. Pp. 3–25.
- Castells M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki, 2000. 600 s. (In Russ.)
- Chun L. China and Global Capitalism. Palgrave Macmillan, 2013. 266 p.
- Fedorovskiy A.N. Fenomen ch'e-bol'. Gosudarstvo i krupnyy biznes v Respublike Koreya [The chaebol phenomenon. The state and big business in the Republic of Korea]. M.: Strategiya, 2008. 318 s. (In Russ.)
- Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya [Identity: personality, society, politics. New contours of the research field] / Red. I.S. Semenenko. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2023. 509 s. (In Russ.)
- Karlusov V.V. Ekonomicheskaya globalizatsiya v strukture obshchestvennoy globalizatsii: k metodologii i teorii issledovaniya [Economic globalization in the structure of social globalization: towards a methodology and theory of research]. *25 let vneshnej politike Rossii: Sbornik materialov X Konventa RAMI: v 5 tomah, Moskva, 08–09 dekabrya 2016 goda*. T. 4, ch. 1. M.: MGIMO-University, 2017. S. 315–328. (In Russ.)
- Karlusov V.V. Glava 20 [Chapter 20]. *Perspektivy jekonomicheskoy globalizatsii*. M.: KNORUS, 2019. S. 529–566. (In Russ.)
- Karpets O.V. Institucional'nye osobennosti reformirovaniya jekonomiki: Vostochnoaziatskaja model' [Institutional features of economic reform: East Asian model]. *Aziatsko-Tihookeanskij region: jekonomika, politika, pravo*. 2008. No. 2 (18). S. 71–76. (In Russ.)
- Kirdina S.G. X- i Y-ekonomiki: institucional'nyj analiz [X- and Y-economies: institutional analysis]. Moskva: Nauka, 2004. 256 s. (In Russ.)
- Kistanov V.O. Novye integracionnye proekty v ATR i Yaponiya [New integration projects in the Asia-Pacific region and Japan]. *Yaponskie issledovaniya*. 2021. No. 3. S. 76–89. (In Russ.)
- Korgun I.A., Zuev V.N. Trade Policy and National Economic Interests in Korea. *International Organizations Research Journal*. 2020. Vol. 15. No. 2. Pp. 236–254.
- Lebedeva I.P. Social'no-ekonomicheskoe izmerenie stareniya naseleniya Yaponii [Socio-economic dimension of Japan's population ageing]. *Yaponskie issledovaniya*. 2023. No. 4. S. 94–116. DOI: 10.55105/2500–2872–2023–4–94–116. (In Russ.)
- Mazyrin V.M. V'etnamskaja ekonomika segodnya. Itogi 25 let rynochnoj transformatsii (1986–2010 gg.) [The Vietnamese Economy Today. Results of 25 Years of Market Transformation (1986–2010)]. M.: ID «FORUM», 2013. 383 s. (In Russ.)
- Meliantsev V.A. «Vostochnoaziatskaja model'» jekonomicheskogo rosta: vazhnejshie sostavljajushhie, dostoinstva i iz'jazny [“East Asian model” of economic growth: the most important components, advantages and disadvantages]. M.: MSU IAAS, 1998. 52 s. (In Russ.)
- Meliantsev V.A. Informacionnaja revolucija, globalizatsija i paradoksy sovremennogo jekonomicheskogo rosta v razvityh i razvivajushhijhsja stranah [Information revolution, globalization and paradoxes of modern economic growth in developed and developing countries]. M.: MSU IAAS, 2000. 84 s. (In Russ.)
- Meliantsev V.A. Naskol'ko masshtabno i bystro razvivajushhiesja strany dogonjajut razvitye? [How Substantially and Fast Are Developing Countries Catching Up with the Advanced Economies?]. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 3. S. 6–20. DOI: 10.31857/S086919080025205–2. (In Russ.)
- Nesposkojnoe sosedsstvo: problemy Korejskogo poluostrova i vyzovy dlya Rossii [A Troubled Neighborhood: Problems on the Korean Peninsula and Challenges for Russia] / Otv. red. G.D. Toloraya. M.: MGIMO-University, 2015. 343 s. (In Russ.)
- Rebrey S.M. Transnatsionalizatsiya yaponskogo biznesa [Transnationalization of Japanese business]. M.: MGIMO-University, 2015. 133 s. (In Russ.)
- Rebrey S.M. Women in small and medium enterprises and entrepreneurship in Japan. *MGIMO Review of International Relations*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 170–185. DOI: 10.24833/2071–8160–2020–3–72–170–185
- Samsonova V.G. Yuzhnokorejskaja politika v sfere nauki i tehniki [South Korean science and technology policy]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*. 2021. Vol. 14. No. 4. S. 109–121. (In Russ.)
- Shvydko V.G. Pervyj god prem'erstva Kisida Fumio: konec «abjenomiki» ili ee prodolzhenie? [Fumio Kishida's first year in PM office: Is Abenomics to end or stay?]. *Yaponskie issledovaniya*. 2023. No. 1. S. 80–93. DOI: 10.55105/2500–2872–2023–1–80–93. (In Russ.)

- Suslina S.S.* Evolyutsiya sotsial'no-ekonomicheskoy modeli Respubliki Koreya. [Evolution of the socio-economic model of the Republic of Korea]. *Obshchestvo i ekonomika*. 2004. No. 2. S. 133–165. (In Russ.)
- Suslina S.S.* Koreya: 70 let raskola [Korea: 70 Years of Division]. *Aziya i Afrika segodnya*. 2018. No. 11 (736). S. 2–9. (In Russ.)
- Suslina S.S., Samsonova V.G.* Edinenie protiv napasti [Unity against adversity]. *Rossiya v global'noj politike*. 2021. Vol. 19. No. 1(107). S. 201–211. (In Russ.)
- Tatarinova S.M.* Yaponiya: sistema gosudarstvennoj podderzhki razvitija nauki [Japan: the system of state science support]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2014. No. 1. S. 166–174. (In Russ.)
- Timonina I.L.* Yaponiya v global'noj ekonomike: realii i prognozy XXI veka [Japan in the Global Economy: Realities and Forecasts of the 21st Century]. *Mirovye i nacional'noye hozyajstvo*. 2023. No. 1(61). (In Russ.)
- Tselishhev I.S.* Vostochnaya Aziya: novaya volna rosta i strukturnaya transformacija [East Asia: a new wave of growth and structural transformation]. M.: IMEMO RAN, 2012. 118 s. (In Russ.)
- Vinogradov A.V., Ryabov, A.V.* (2019). Politicheskie sistemy postsovetских стран i Kitaya v protsesse mezh sistemnoy transformatsii [Political Systems of Post-Soviet States and China in the Process of Inter-System Transformation]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2019. No. 3. S. 69–86. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.05. (In Russ.)
- Yoshihara K.* The Rise of Ersatz Capitalism in South-East Asia. Singapore: Oxford University Press, 1988. 257 p.
- Zakharova L.V., Korgun I.A.* Ekonomika gosudarstv Koreyskogo poluostrova [Economy of the states of the Korean Peninsula]. M.: MGIMO-University, 2022. 300 s. (In Russ.)